

Игорь Морозов

Самый гадкий утопленник

12+

Игорь Морозов
Самый гадкий утопленник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Морозов И. А.

Самый гадкий утопленник / И. А. Морозов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Рассказ о рыбаке, поймавшем большую рыбу – легендарного тайменя. Для того чтобы вытащить его на берег, рыбак идет на рискованный шаг, он засовывает свою руку рыбе в пасть. Рыба сдергивает рыбака в реку, и продолжительное время рыбак борется с ней за свою жизнь. Все моменты борьбы за жизнь, все переживания и страхи подробно описываются от лица автора и рыбака. Месть реки – гибель рыбака от рыбы. Редко это происходит, но бывает. Что переживает в это время человек? Что с ним происходит? Как он встречает демонов несчастья от Царь-рыбы? Поминутный рассказ из ада жизни, красками Дали расцвечен. Пронзительно и достоверно от лица того, кто умирает. В литературе встречаются описания моментов, рассказывающие о гибели рыбаков в схватке с тайменем. В них описывается только уже свершенный факт, убийства тайменем рыбака, но никто из писателей не описал того, что происходит с рыбаком и рыбой в момент их борьбы. А этот рассказ как раз об этом.

В любое время дня и ночи,
под солнцем, звездами
иль под дождем и снегом он рыбачил.
Рыбалка для него не ловля рыбы,
он сюжеты ловит.
Да не очернит чистую слезу моей фантазии грязная действительность.

Желтые листья шуршали, пахли тоской и печалью грустного, мрачного неба. Ночью уже падал снег и еще кое, где не растаял. Стекланный хрупкий от мороза воздух царапал горло, искрился россыпью кристаллов возле глаз, сказкой серебрил волну на речке, разбивая дымку над водой сыпучей мишурой из льдинок.

Старик неспешно шел вдоль реки по набережной, он совершал свой ежедневный моцион. Он шел на Речной вокзал. Вокзала там уже давно не стало, одно название осталось: асфальт у парапета провалился, образовав капканы ям, цепи ограждения сдали на металлолом, огромный тяжеленный якорь, украшавший кафе, с кричащим названием «Золотой якорь», тоже неспешно ушел в переплавку, наверное, на монетный двор*² – на золотые деньги, не иначе. Название – «Речной вокзал» стереть не удавалось, память устаревшая мешалась. Раньше здесь швартовались пароходы, «Метеоры» и «Ракеты». Здание осталось и швартовка: стенка из бетона и «прямо́к»*¹ – для людской толпы посадка на кораблик. Все теперь не нужно – корабли не ходят. Бедный вокзал умирал от ностальгии, увязнув в паутине будней.

Старик встал у бетонной тумбы, раньше к которой была прикреплена толстая якорная цепь, а теперь торчал огрызок кольца, напоминая о былом уюте. Он стоял и вспоминал то время когда на «Речнике» было не протолкнуться от рыбаков, ловивших хариуса. Приходилось вставать затемно, и идти занимать место для рыбалки, иначе не протиснешься, полно народу. Теперь все по-другому – прожорливая птица, черный гад-злодей баклан, на славу постарался, очистив реку от услады рыбаков, от рыбы. Все мечты старика о том, что дождавшись пенсии, он будет ловить рыбу рядом с домом, были уничтожены бакланом. Сказка из мечты исчезла с сизой дымкой.

Баклан в огромном количестве заполонил не только все реки и озера Восточно-Казахстанской области, которыми она богата, он обнаглел настолько, что несметной ордой накинулся на рыбу в Иртыше в черте города, и даже в его центре. А это нонсенс, не характерно для этой птицы, это значит, что он уже в избытке. Оккупант баклан адаптировался в черте города настолько, что перестал бояться человека, бояться его крика, свиста, взрывов петард, всех ухищрений которыми рыбаки пытались отогнать его от речки. Но куда там, река стала его вотчиной, он ей завладел всецело. Из парка, что на левом берегу, с его озерами-котлованами он вообще не улетал, ведь там ему вольготно, некого бояться, никто даже не свистит, не бухает петардой, люди в форме чинно охраняют, там он стал царьком, наместником от бога. Зооатака была невиданных масштабов и неслыханной наглости. Стаи в несколько тысяч голов каждый день сжирали рыбу тоннами. Та рыба, что не съедалась во время его нескончаемых атак, выпрыгивала на берег, и погибала там. Бренными телами серебрилась рыба, протухала, с берега баклан её не собирает. Множество рыбы уплывало раненой, чтобы погибнуть в родной стихии. Черная чума прошла по Иртышу, сметая все живое. Уже семь лет хозяйничает птица, результат плачевен, баклан подмел до дна Иртыш, и на других речушках и озерах постарался тоже, везде не стало рыбы.

Старик вовремя поднимал тревогу. Семь лет назад, в первый год массового нашествия бакланов, он даже дописался до министра. Министр Окружающей Среды ему ответил через Интернет, в газетах, что они займутся этой темой. Известно как, отписка, как обычно. В

прошлом 2019 году было подписано Постановление Правительства Республики Казахстан «О борьбе с бакланом», но это было сделано поздно, черные дела свершились. Семь лет атаки птицы на водоемы очистили их от рыбы. Это коснулось всей многоводной Восточно-Казахстанской области. Как теперь восполнить? Сколько лет пройдет? И как былое восстановишь? Не речка, а душа была истерзана бакланом.

Отсыревшее солнце пыталось растолкать назойливые тучи, когда к старику подошел рыбак со спиннингом, и встал рядом. Здоровый малый плюнул в речку, старик не удержался, сделал замечание.

– Нельзя так делать, милый. Речка отомстить ведь может. У воды есть память, наука доказала. – Приходя к речке, старик каждый раз здоровался с ней, всегда говорил ей ласковые слова, и она отвечала ему взаимностью.

Его мантра была проста как стебель бамбука: «Здравствуй, батюшка Иртыш, реченька родная. Дай бог тебе здоровья. Пусть вода твоя всегда будет чистой, а ты полноводным. Дед мой с твоих вод кормился, и меня ты не забываешь. Спасибо тебе, родной. Угости рыбкой, если сможешь». Он всегда произносил эти слова, прежде чем закинуть в речку снасть. И река угощала его, не скупясь, а он принимал ее подарки, беря понемногу, отпуская мелкую рыбешку и тайменя.

– Вот еще расскажешь, – детина недовольно зыркнул на старика туповатым, не испорченным интеллектом глазом. Усмехнувшись, он кинул окурочек в реку.

– Ну, вот это тоже зря, сынок, ты сделал. Один окурочек отравляет один кубометр воды, убивает все живое.

– Воды здесь много.

– Но и, таких как ты хватает. Ты не думал?

– Ну, ты мне еще про Бога расскажи.

– Я не приверженец религий, но всю свою жизнь, верю в две вещи: в доброту и порядочность. С которыми как я погляжу у тебя проблемы.

– Иди старик отсюда, пока я тебе реальных проблем не создал.

Старик не хотел связываться с бугаем, ведущим себя нахально как быдло. Всех, кто делал зло ему или реке, неминуемо наказывала судьба, так уж повелось, помимо воли и желаний. Кто-то там ... следил за ними, и не давал в обиду. Сердце старика было настолько ласковым и теплым, что даже дьявол стоял в очереди, чтобы погреться.

Он развернулся и пошел по набережной, продолжая свою прогулку. Последнее время ему не рыбачилось, рыбы в реке почти не осталось, ни одного всплеска не видно на поверхности воды, что не характерно для хариуса, который всегда показывает свое присутствие. Это угнетающе действовало на заядлого рыбака, который раньше рыбачил здесь каждый день. В былые годы не проходило и пары минут, чтобы не всплеснулся хариус или не выпрыгнул как дельфин, таймень. А по вечерам рипус – «балагур» устраивал концерты как в балете.

Седая голова сливалась в красках с хмурым небом. Свинец из облаков тяжел для думок. Хмарь придавила плечи. Зима кралась, подталкивая тучи.

– Да, я уже старик.

Старик догадался, что про этого бугая-вахлака рассказывали ему рыбаки. Про то, что здесь – на Речном вокзале ночью он промышляет ловлей на косынку*³. Старик прозвал его – «Гадёныш», а его «мелкого» дружка «Табаки», как шакаленка из мультфильма «Маугли».

Грусть роняла слезы в его сердце. Вспомнилось былое. В то время он был крепок и силен, рыбы было много. Все рыбаки ловили в этом месте на Речнике. Особенно было много рыбаков-стариков пенсионеров. Вот они-то и пожаловались ему: «Мы думаем, что ночью кто-то пакостит с косынкой, последнее время утром рыба совсем плохо ловится». Он решил прове-

речь. Вышел прогуляться ночью, и застал поганца на месте лова. Объяснил тогда ему спокойно, что не дело он затеял со своей косынкой – здесь на удочку рыбачат, ловят мушкой. Ты вредишь другим, нормальным людям. Тут браконьер завелся – стал стращать, а это стало спичкой, старик взорвался, словно порох, он швырнул засранца в снег мордашкой, ухватил его за горло, жёстко стиснул пальцы. Он остановился лишь в тот момент, когда бедняга стал хрипеть задыхаясь. *«Стоп, – подумал, – поганец задохнуться может, горло отпустить пора, розжа посинела не на шутку».*

Отпустив браконьера, старик пригрозил ему: «Пять минут даю на сборы. Я прогуляюсь до моста. Если не уйдешь, леской обмотаю ноги, и со снастью прыгнешь в речку. На прикормку! Сам! Я только сориентирую немножко».

Вредитель быстро убежал, не успев собрать как надо снасти.

В то время ходили слухи, что электроудочников*⁴ находили на дне Иртыша с аккумуляторами, примотанными к их ногам проводами электроудочки. Пользуясь электроудочкой, они губили в реке вместе с рыбой все живое: растительность и всех букашек. Так просто убивали реку. Вот и задумаешься: «Кто из них не прав и как там дело было?»

Влажный, горьковатый воздух и дорога приглашали прогуляться. Шелест листьев звал примять их. Паутина нитками летела. Старик дальше зашуршал листвой вдоль речки, созерцая небо, реку, листья, буйством красок наслаждаясь. Осенние мысли печальны, прозрачны, куда-то блаженно с грустинкой в обнимку поплыли.

Тем временем рыбак-Гаденыш раздвинул телескопический спиннинг, проверил остроту крючков блесны. И стал рыбачить, на пятом забросе взялась рыба – это был таймень. Огромная рыбина шла как «бульдозер», сильно не барахталась, но давила мощно.

Рыбак «боролся» с ней минут пятнадцать и сумел всё-таки подвести её к отвесной стенке причала. Разглядел её, и оценил. Таймень был трофейный, вес больше тридцати кг, а может быть и все пятьдесят. Леска – плетенка, рассчитанная на нагрузку до шестидесяти килограмм, должна выдержать, а вот крючок и карабин, кто знает? Теперь ему предстояло сделать самое сложное – поднять рыбину на берег. Отвесная стенка причала не позволит это сделать – слишком высоко. Для такого большого веса полметра отвесной стенки это уже много, снасть такой нагрузки не выдержит. Удилищем не поднять как чебачишку. Стенка парапета не пологий берег, на который можно было-бы вытащить волоком за леску. Катушка не справляется, фрикцион визжит, придется вытягивать руками леску. Тонким шнуром плетеной лески это трудно осуществить – можно разрезать пальцы до костей, вес слишком уж большой у рыбы. Ни багра, ни большого сачка у рыбака с собой не было. Размышляя о том, что делать, рыбак, не спеша, чтобы не раздраконить рыбу, мелкими шажками спустился в приямок, в котором расстояние до воды было поменьше: сантиметров тридцать, и то только сейчас, когда сброс воды на ГЭС большой и уровень ее поднялся в речке. Спиннинг согнулся дугой, леска на ветру гудит пчелою, времени на раздумье не хватает. Такой огромной рыбине взбрыкнуть разок и «до свидания», леска порвется, и только гибкость снасти и сноровка выручают.

Рыбак задумал поступить отчаянно. Он решил, что ляжет на асфальт приямка, припорошенный снегом, свесится к реке, засунет пальцы под жаберные крышки рыбы, и поднимет тайменя на берег. Вес рыбины большой, сможет ли он это сделать одной рукой, да еще лежа на животе? Вопрос конечно интересный. Но другого варианта нет.

Такой маневр он уже как-то раз проделывал. В тот раз он подвел под стенку причала пойманного тайменя, и осознавая, что снасть может не выдержать, лег на асфальт, дело было, как раз в этом же приянке. Вода, как и сейчас была высокой, и он дотянулся рукой до рыбы. Четыре попытки взять пойманную рыбу под жабры не увенчались успехом. Рыба сбрыкивала в тот

момент, когда он, заведя руку под жаберные крышки, пытался поднять её. Соскочив с пальцев, она брыкалась, вертелась как веретено, на коротком поводке лески, которая все сильнее врезалась в пальцы левой руки удерживающей её у стенки пирса. Но перебороть мертвую хватку крючка рыбе не удалось. Крючки тройника сидели крепко в ее пасти, леска и карабин пока выдерживали. Но в этом деле лучше не испытывать судьбу. И тогда он решился на отчаянный поступок. Несмотря на мощные клыки рыбы, он решил засунуть руку в её пасть, и держа за челюсть поднять на берег. Подобным образом поступают рыбаки, вытаскивая в лодку больших сомов. Но при этом, этим рыбакам-сомятникам всего-то нужно перетянуть рыбу через борт лодки, который невысок, плюс гладкий и округлый. Рыбу они не поднимают, а переваливают через борт, с упором на ноги и переносом центра тяжести тела. Делают это сомятники, одев на руку перчатку из металлической кольчуги, защищающую пальцы от порезов. При этом нужно учесть, что зубы у сомов, не зубы, а щетинка, их не сравнить с клыками в пасти у тайменя, где даже кость на языке усеяна загнутыми и острыми клыками, стоящими попарно, как солдаты роты.

В тот раз он так решил рискнуть и сделать. Засунул руку в пасть, и дернул. С положения – лежа на животе, он закинул рыбу с разворота за спину. Помогла борцовская закалка. Рыба бухнулась рядом с ним. Смачно разлетелся снег под нею, хвост лопата разбросал его еще сильнее. Он лежал рядом с рыбой, нос к носу, ощущая её запах и глядя ей в глаза. Его голова, была слегка повернута вправо, взгляд уставился в колющую бусинку зрачка рыбы, так и не понявшую в чем дело. Он был доволен, вот удача, и какая!

Но в прошлый раз таймень был меньше, десять килограмм всего лишь. Раны он нанес, конечно, но терпимо было. Шрам потом украсил палец рыбака, росчерком клыков загнутых, словно у акулы. Лезвие клыков порвало пальцы, кровь и все такое, но была победа.

И в этот раз рыбак решил проделать тот же самый трюк. Он как можно ближе подвел рыбину к берегу. Потихоньку, затаив дыхание, перебирая руками по удилищу, стал добираться до его вершинки. Добравшись до середины удилища, он нежно, чтобы не потревожить рыбу, опустил рукоятку удочки на асфальт, прикрытый снегом, и стал продвигаться дальше. Дотянувшись до лески, он потихоньку стал укорачивать ее, подводя рыбу все ближе. Это было не просто и рискованно. Он наматывал леску на кисть руки, и подтягивал рыбу стараясь завести руку за спину, потом вторую руку выкидывал вперед и перехватывал ей леску как можно ближе к рыбе. После этого он наматывал леску на эту руку, и только потом сбрасывал кольца лески с руки, заведенной за спину, освобождая её. Вот так он подтягивал рыбу то одной, то другой рукой. Наматывая леску на руку, он рисковал невероятно, но по-другому здесь не получалось. Если леску не наматывать на пальцы, она будет выскальзывать из рук, поэтому приходилось делать два-три оборота вокруг пальцев, чтобы этого не происходило. И только после этого он мог тянуть рыбу к берегу. Ему нужно было укоротить леску до такого расстояния, когда он сможет дотянуться до рыбы рукой, и взять ее под жабры. А это меньше метра.

Вот так держа одной рукой натянутый шнур лески, он сбрасывал кольца лески с освободившейся руки, и перехватывался ей ближе к рыбе. Потом наматывал леску на пальцы выкинутой вперед руки, и тогда переносил на нее натяжение, и опять подтягивал рыбу уже этой рукой, ослабляя нагрузку на вторую руку, чтобы продолжить эти действия вновь и вновь. Под весом рыбы леска впиалась в пальцы, прорезала огрубевшую кожу, но раны пока были неглубокие. Но стоило рыбе хорошенько взбрыкнуть и плетеный шнур быстрее, чем пила разрежет до кости все пальцы. Ему пока везло рыба, не вставала на дыбы.

Рискованный маневр удался рыбаку удачно, он подтянул рыбу к стенке парапета практически вплотную. Плавно, затаив дыхание лег на снег. Его голова и правая рука свисали над водой. На кисть левой руки была намотана плетеная леска – тонкий прочный шнур, способный

при сильном рывке рыбы разрезать мышцы словно бритва. Несмотря на это, он должен был удерживать рыбу вблизи парапета левой рукой, чтобы дотянуться до нее правой.

От порезов его руки были в липкой, яркой крови. Ее мелкий пунктир шел тропинкой по снегу к обрыву парапета. С рук, нависших над речкой, алые капли как «слезы» падали в воду. Рыбак не обращал внимания на это.

– Издержки производства, потерплю не барин.

Рыбина стояла у поверхности воды. Большая, желтая блесна торчала с краю её пасти, крючки, похоже, впились прочно. Веселый, круглый глаз рыбы смотрел на это действие с любопытством. С высоты парапета на нижней части пасти рыбы видны были клыки – гвоздиком торчащие вразброд, и ждущие добычу. Ноздри – две больших дыры, вбирают воду словно воздух, кровь они пока не ощутили, она капала с рук у самой стенки пирса, и ее тут же сносило течением. Красный стяг хвоста шевелится неспешно, величаво. Рыба отдыхала, и ждала, что будет.

Правая рука рыбака была свободна, он хотел подвести её под жаберную крышку и поднять рыбу на берег. Он протянул к ней руку, дотянулся. Рыба глыбой, словно огромный многотонный океанский сейнер спокойно стояла на рейде. Ее любопытный глаз разглядывал мордашку человека, никаких страстей в нем не было заметно. Рыба ожидала действие.

Нежно, стараясь не спугнуть рыбу, рыбак подвел пальцы под жаберную кость рыбы и хотел уже поднять ее на берег. Но рыба, словно невзначай, взбрыкнула, мотнула головой, и освободилась от его пальцев. Леска натянулась, сжала пальцы левой руки, врезавшись в их плоть, сделала еще один порез на коже. Боль была пока терпима. Если рыбина взбрыкнет сильнее, тогда безжалостная плетёная леска разрежет пальцы до кости. Но рыба пока не думала буянить, плавно шевеля хвостом, она продолжала разглядывать «чудака», который свисал с парапета. У нее не было ощущения опасности, ощущения того, что она попалась, ее забавляла эта непонятная игра в гляделки. Она как будто чувствовала свое превосходство. Осознавала, что она Король Таймень – Хозяин речки. Абрис ее пасти был похож на загадочную улыбку речной Моны Лизы. Мифом сотен прошлых лет, легендой из былых сказаний, о героическом таймене «Меченом» шептала та улыбка. Седой Иртыш хранил эту легенду и в воде, и в камне, и во всем своем великом многоводье лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.